

Публицистика, новости и «журналистский дискурс»: объясняют ли они журналистику?

В. М. Виниченко
(Россия)

Durante mucho tiempo la historia del periodismo era casi equivalente a la historia de la prensa diaria. Pero, debido al desarrollo actual del conocimiento teórico, necesitamos distinguir entre dos fenómenos: Medios de Comunicación Masiva como industria independiente y el periodismo como conjunto de actividades profesionales que aseguran el funcionamiento de los MCM. Por consiguiente, hace falta encontrar una categoría básica que pueda explicar el periodismo como actividad profesional específica y presentar su evolución histórica como conjunto de hechos interrelacionados. Al analizar la literatura científica de las últimas décadas destacamos tres enfoques principales en este problema propuestos por 3 escuelas científicas: rusa, estadounidense y europea. Su comparación nos ayuda a obtener una nueva e interesante visión de la historia del periodismo.

Изучение журналистики допускает множество методологических подходов. Как заметил по этому поводу еще в конце XIX века К. Бюхер, «такое сложное явление, как газетное дело, можно с одинаковым успехом исследовать с разных точек зрения, как-то: с политико-исторической, литературно-исторической, библиографической, юридической, даже филологической» (Бюхер К., 1896, с. 9). И хотя он полагал, что ближе всего данный предмет «относится.. к области политической экономии» (Там же), его очерк происхождения газеты отчетливо указывает, что для него история журналистики была прежде всего историей конкретного СМИ – периодической печати. Почти столетие спустя американские исследователи Эдвин и Михаэль Эмери следующим образом поясняли название своего успешного статьи классическим учебника по истории американской журналистики в предисловии к его пятому изданию: «Название «Пресса и Америка» было задумано в 1949 г., когда газетная индустрия сохраняла доминирующие позиции, история радио представляла лишь незначительный интерес, а телевидение пребывало в состоянии младенчества» (Emery M., Emery E., 1984, p.v).

Подобный подход укоренился столь глубоко, что вплоть до наших дней ключевыми датами истории журналистики обычно выступают изобретение книгопечатания и появление первых газет (См. напр.: Прохоров Е.П., 2002, с.25; Ахмадулин Е.В., 2006, с.29).

Однако появление радиовещания и развитие смежных сфер деятельности – таких, как реклама и PR, стимулировали поиск новых, более широких методологических подходов к изучению этих взаимосвязанных явлений, что привело к становлению коммуникативистики в качестве самостоятельного научного направления и едва ли не полному растворению в нем собственно журналистских исследований (Подр. см.: Виниченко В.М., 2010). Но признание журналистики «одной из форм коммуникации, – по справедливому замечанию американского социолога М.Шадсона, – ничего не говорит о том, чем журналистская коммуникация отличается от поэзии, энциклопедии, руководства «Как сделать самому ...», порнографии, «Справочника бойскаута» и «Звездных

войн»» (Shudson Michael, 2003, p.11–12). Не случайно зарубежные исследователи периодически задаются вопросом: «Объясняет ли коммуникация журналистику?» (Zelizer Barbie, 1993)

Что же в таком случае способно заменить СМИ и массовую коммуникацию в качестве центральных категорий при изучении журналистики как особой сферы деятельности, связав ее историю воедино? Изучение научной литературы последних десятилетий позволяет выделить три возможных подхода к решению данной проблемы. Предложенные представителями разных исследовательских школ, российской, американской и европейской, они удивительным образом дополняют друг друга. И даже если ни один из них не может претендовать на исчерпывающее объяснение генезиса и развития журналистики, то в своем сопоставлении они, безусловно, способны предложить новый и достаточно интересный взгляд на ее историю.

Первые две работы, о которых идет речь, были опубликованы практически одновременно, в 1988 и 1989 гг., в разных частях света. Объединяет их и еще одно примечательное обстоятельство: в названии обеих отсутствует слово «журналистика».

Одна из них достаточно хорошо известна отечественному читателю: это монография В.В. Ученовой «У истоков публицистики» (Ученова В.В., 1989).

«Понятия «публицистика» и «журналистика» часто использовались как синонимы в журналистской науке советского периода» (Каминский П.П., 2007, с.98), – замечает П.П.Каминский в статье, посвященной современному этапу изучения публицистики. В справедливости подобного вывода легко убедиться, поскольку уже на первых страницах своей книги сама В.В. Ученова отмечает, что «Область журналистики, система средств массовой пропаганды и информации приобрели в современном мире огромное влияние, а публицистические тексты составляют ее главное содержательное наполнение» (Ученова В.В., 1989, с.4).

С подобной точкой зрения едва ли согласится автор второй из упомянутых выше работ, которую, впрочем, следуя хронологическому принципу, было бы логичнее назвать первой. Это принадлежащая перу профессора Нью-Йоркского университета М. Стефенса «История новостей» (Stephens Mitchell, 1988), выдержавшая к настоящему времени уже два переиздания, но, к сожалению, малоизвестная российскому читателю. Для М. Стефенса, как и многих его западных коллег, журналистика – прежде всего «наиболее емкий термин, которым мы располагаем для обозначения деятельности по сбору и распространению новостей» (Stephens Mitchell, 1988, p.3).

И все же эти два подхода носят, скорее, взаимодополняющий, а не взаимоисключающий характер. Как известно, термин «публицистика» не имеет прямого соответствия в английском языке (См. напр.: Webster's Third New International Dictionary of the English Language, 1993, p.1836), но это, естественно, ни в коей мере не означает отсутствия самого явления.

В своей работе В.В. Ученова опирается на предложенное В. Гороховым определение публицистики как специфической области общественно-политической и творческой деятельности, преследующей цель актуального идеологического воздействия на общественное мнение, на сознание и поведение масс (Ученова В.В., 1989, с.4).

Новости, разумеется, представляют собой нечто совершенно иное. Для целей своей книги М. Стефенс определяет их как «новую информацию о

предмете, представляющем определенный интерес для некоторой части общества» и сразу же признает, что подобное определение может показаться слишком широким для одних, «так как оно включает слухи, спортивные новости и прочие фривольности», и слишком узким для других, «поскольку исключает моральные и политические наставления» (Stephens Mitchell, 1988, p.9).

Но даже лишённые «моральных и политических наставлений» новости способны оказывать воздействие «на общественное мнение, сознание и поведение масс»: «Информационные органы – от городских сплетников до телевизионных сетей – раздражают «тиранов» и досаждают им, просто проливая нелицеприятный свет на махинации, прикрытые романтическим туманом либо спрятанные во тьме» (Stephens Mitchell, 1988, p.189). Эта способность с наибольшей очевидностью проявляется в периоды острых социально-политических кризисов, подобных, например, Американской революции.

«Но этого недостаточно, чтобы опрокинуть систему государственного устройства» – признает М. Стефенс. А потому американская пресса применила против британцев еще одно оружие из своего журналистского арсенала: весомые, неопровержимые аргументы. «Мнения и новости не одно и то же, хотя мнения могут породить и содержать новости. Они, конечно же, гораздо более политизированы, чем новости. Влияние и новостную значимость преисполненных мнениями газет, распространявшихся тогда в Америке, своевременным американцам трудно осознать» (Stephens Mitchell, 1988, p.191).

В качестве примера материалов подобного рода, – «*opinion pieces*», – М. Стефенс указывает на опубликованные в 1767 г. «Письма пенсильванского фермера» Д. Диккинсона и появившийся на страницах американской прессы десятилетием позже «Здравый смысл» Т. Пейна, то есть именно те произведения, которые в нашем понимании относятся к наиболее ярким примерам американской публицистики XVIII века (Stephens Mitchell, 1988, p.191).

В периоды, подобные Американской революции, публицистика закономерно становится наиболее важной и ценной частью содержания прессы, но подобное утверждение совершенно очевидно не будет справедливым для других исторических этапов: уже в следующем, XIX веке, по признанию многих историков, американские «*viewpapers*» превращаются в «*newspapers*» (Emery M., Emery E., 1984, p.143). И поэтому, в частности, М. Стефенс избирает объектом своего исследования новости, а не публицистику.

Подобное различие делает работы В.В. Ученовой и М. Стефенса удивительно комплементарными по отношению друг к другу. Там, где последний ограничивается всего полутора страницами рассуждений о взаимоотношениях истории и новостей (Stephens Mitchell, 1988, p.56 – 57), В.В. Ученлова посвящает десять страниц публицистическим граням античной историографии (Ученова В.В., 1989, с.30 – 40). Это вполне логично, поскольку для М. Стефенса важно лишь то, что исторические сведения, как правило, не могут рассматриваться в качестве новостей из-за недостатка новизны (Stephens Mitchell, 1988, p.9), более того, «история как наука рождается.. в противовес близорукости, поверхностности и суетности новостей» (Stephens Mitchell, 1988, p.56), тогда как его российской коллеге необходимо показать, что «с публицистикой античная историография многократно пересекалась» (Ученова В.В., 1989, с.29) и проследить процесс превращения истории из повествования, отличающегося

своей объективностью у Фукидида, в орудие политической борьбы у младших анналистов.

И напротив, там, где В.В. Ученова лишь вскользь упоминает об одном из наиболее ярких «пражурналистских» явлений, – *acta senatus* и *acta diurna*, – ограничиваясь стандартным замечанием, что это лишь «пробораз массовой ежедневной прессы.. это еще не сама газетная периодика» (Ученова В.В., 1989, с.28); М. Стефенс достаточно обстоятельно анализирует систему письменных коммуникаций древней Римской империи, центром которой они выступают, чтобы продемонстрировать влияние, которое способно оказать на общество существование подобной системы: «Рим сумел построить удивительно эффективную для своего времени систему распространения письменной информации, благодаря которой образ римской действительности постоянно присутствовал перед глазами его солдат и чиновников, где бы они ни были. ... Потребовалась Клеопатра, чтобы отвлечь внимание Марка Антония от событий в Риме. Гораздо чаще римские полководцы, в отличие от военачальников Александра Македонского, отказывались от любых возможностей создать собственное государство и их легионы неизбежно начинали движение назад, в – или на Рим» (Stephens Mitchell, 1997, p.68).

Но пожалуй, наиболее ярко различие и комплементарность работ В.В. Ученовой и М. Стефенса проявляется в их хронологических рамках. Если первая прослеживает истоки западноевропейской публицистики лишь до начала XIV в., поскольку, по ее мнению, «именно в условиях Предвозрождения как в Западной Европе, так и на Руси в ходе освобождения политики от теологии складывается необходимость постепенного самоопределения публицистического творчества» (Ученова В.В., 1989, с.4 – 5), то в монографии М. Стефенса этот период занимает лишь около 20% ее объема.

Хронологические рамки работы В.В. Ученовой, как и глубина проводимого ею анализа, внушают несомненное уважение, и все же оставляют чувство определенной недосказанности и незавершенности. Бесплезно искать у нее ответа на вопрос о том, когда именно публицистика «пересекается» с журналистикой, превращается в «ее главное содержательное наполнение». С подобной точки зрения, для нее было бы логичнее закончить свой экскурс фигурой итальянского литератора Пьетро Аретино, объединившего традиции предшествующего развития публицистики с возможностями печатного станка и заслужившего тем самым титул «праотца журналистики» (См. напр.: Маклюэн М., 2013, с.338 – 342; Урина Н.В., 2004).

Совершенно иную картину мы наблюдаем у М. Стефенса уже хотя бы потому, что по утверждению Э. Эмери и М. Эмери, само слово «news» появляется в английском языке лишь в XVI веке в противовес бытовавшему ранее термину «tydings», чтобы подчеркнуть разницу между спонтанным информационными обменами и осознанной деятельностью по сбору и распространению сведений о текущих событиях (Emery M., Emery E., 1984, p.6). Но в журналистику в нашем современном понимании эта деятельность превратится лишь в XIX веке благодаря становлению собственных профессиональных норм – таких, как объективность и беспристрастность, а также появлению профессионального инструментария, призванного гарантировать их достижение. Не случайно именно этому периоду посвящена самая большая по объему 13 глава монографии

М. Стефенса, в названии которой впервые появляется упоминание о журналистике: «The Development of Reporting – The Journalistic Method».

Изменения, которые претерпела журналистика в XIX веке, оказались столь глубокими, что некоторые исследователи склонны абсолютизировать их вплоть до принятия за точку отсчета всей ее истории вообще: «... журналистика является продуктом современности, существующим не более 200 – 300 лет», – утверждает в одной из своих последних работ американский социолог М. Шадсон (Shudson Michael, 2003, p.12). «Возможно, что-то и есть в идее о том, что жажда новостей является фундаментальным свойством человеческой природы, – отмечает он далее, – но, как мне кажется, не очень много» (Shudson Michael, 2003, p.64). И в первую очередь потому, что подобный подход не дает ответа на вопрос, почему национальные модели журналистики, ее принципы, взаимоотношения с властями и, наконец, структура информационных организаций столь сильно отличаются от страны к стране.

Одним из наиболее ярких представителей подобного подхода выступает европейский социолог Ж.Челаби, опубликовавший в 1996 г. на страницах «Европейского журнала коммуникаций» статью под красноречивым названием «Журналистика как англо-американское изобретение: сравнительный анализ развития французской и англо-американской журналистики в 1830 – 1920-х гг.» (Chalaby Jean K., 1996, pp. 303–326)

Проведенное им исследование показало, что в последней трети XIX века французские газеты значительно уступали английским и американским по объему: если в 1885 г. «Le Figaro» становится первой французской газетой, выходящей на 6 полосах, то в Великобритании уже в 1870-х гг. каждый номер «Daily Telegraph» насчитывал 10, а лондонской «Times» от 12 до 16 полос (Chalaby Jean K., 1996, p.306). Кроме того, они практически не прилагали сколько-либо заметных усилий для сбора информации: если лондонская «Times» уже в 1857 г. располагала 19 зарубежными корреспондентами, то первой французской газетой, попытавшейся создать небольшую корреспондентскую сеть за рубежом, становится «Le Temps» в 1870 гг. (Chalaby Jean K., 1996, p.307).

Но что еще важнее, как показывает Ж. Челаби, вплоть до конца XIX века французская журналистика так и не сумела выделиться из литературы в качестве самостоятельного дискурсивного пространства. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что принятая во французской прессе иерархия жанров строилась не на базе их информационной ценности, а на основе соотношения с более высокими литературными формами. Верхнюю позицию в ней занимала хроника, отличавшаяся крайней произвольностью в выборе событий, но предоставлявшая наибольшие возможности блеснуть литературными достоинствами стиля. Далее следовала полемическая статья, ценившаяся не только и не столько за высказываемые мнения и идеи, сколько за ее риторическую изощренность. И наконец, завершался этот список комментарием, объединявшим некоторые черты двух предыдущих жанров, но менее благодатным для демонстрации стилистических и риторических дарований автора. Но по своей абсолютной значимости все они ценились меньше самого «низкого» из литературных жанров – водевиля (Chalaby Jean K., 1996, c.315).

В противоположность этому англо-американская журналистика в XIX веке сумела выработать для своих целей такие специфические дискурсивные стратегии, как интервью и репортаж (reporting) (Chalaby Jean K., 1996, p.311).

Ориентированные на объективное и беспристрастное освещение событий, а не полемику или выражение субъективных особенностей авторского мировосприятия, они не являются ни литературными, ни политическими по своей сути, и потому их появление в XIX веке позволяет рассматривать журналистику в качестве «специализированного и все более обособливающегося дискурсивного пространства» (Chalaby Jean K., 1996, p.304), существующего вне политики и литературы.

Предложенный Ж.Челаби подход несомненно нацелен на углубленное изучение тех перемен, которые претерпела журналистика XIX века. Вместе с тем он выносит за рамки рассмотрения не только публицистику, но и все то, что не укладывается в категорию «серьезных новостей» (hard news), – например, всевозможные «материалы человеческого интереса», в силу чего использованный Ж.Челаби дискурсивный анализ представляет ценность лишь как один из частных методов изучения истории журналистики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. CHALABY, JEAN K., 1996: «Journalism as an Anglo-American Invention: A Comparison of the Development of French and Anglo-American Journalism, 1830s-1920s.» *European Journal of Communication*, 11; pp. 303-326.
2. EMERY M., EMERY E., 1984: *The Press and America: An Interpretive History of the Mass Media*. 5th Ed. New Jersey.
3. SHUDSON, MICHAEL, 2003: *The Sociology of News*. W.W. Norton & Company, New York, London.
4. STEPHENS, MITCHELL, 1988: *A History of News: from the Drum to the Satellite*. Penguin Books.
5. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language*. Merriam-Webster, Inc., 1993.
6. ZELIZER, BARBIE, 1993: «Has Communication Explains Journalism?» *Journal of Communication*. 43(4). pp.80-88.
7. АХМАДУЛИН Е.В. 2006: *Краткий курс теории журналистики. Учебное пособие*. М.: «ИКЦ МарТ»; Ростов н/Д: издательский центр «МарТ».
8. БЮХЕР К., 1896: «Происхождение газеты». *История печати: Антология*. М.: Аспект Пресс, 2001, СС.7-27.
9. ВИНИЧЕНКО В.М., 2010: «Журналистское образование в США: от журналистики к массовым коммуникациям». *Вестник Московского университета. Серия журналистика*. №1. сс.100-112.
10. КАМИНСКИЙ П.П. 2007: «Принципы исследования публицистики на современном этапе». *Вестник Томского государственного университета. Филология*. №1.
11. МАКЛЮЭН М. 2013: *Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего*. Изд. 2-е. М.: Академический Проект; Гаудеамус.
12. ПРОХОРОВ Е.П., 2002: *Введение в теорию журналистики*. М.: Изд. РИП-холдинг.
13. УРИНА Н.В., 2004: «Пьетро Аретино и предвосхищение журналистики». *Вестник МГУ. Серия журналистика*. №3. сс.81-105.
14. УЧЕНОВА В.В., 1989: *У истоков публицистики*. М.: Изд-во МГУ.